

Бондаренко Андрей

Сказки Зброшенных Крыш

Неформатные книги

Андрей Бондаренко

Сказки Заброшенных Крыш

«Автор»

2011

Бондаренко А.

Сказки Зброшенных Крыш / А. Бондаренко — «Автор»,
2011 — (Неформатные книги)

На улице моросит дождик. Холодный, нудный, противный и доставучий, каким и полагается быть дождю в первых числах октября месяца. Дожди, они вечные и правдивые подсказчики, как, впрочем, и вещие сны. Я верю дождям, снам и случайным попутчикам – как не верю самому себе...

Содержание

Сказка первая	5
Сказка вторая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Бондаренко

Сказки заброшенных крыш

Сказка первая Кот и парашютист

Боли не было. Наоборот, присутствовала некая лёгкость и расслабленность во всём организме. Свежий ветерок, воздух – как после короткого июльского дождя в далёкой русской деревне.

Пахло чем-то чистым и влажным, совсем чуть-чуть угадывался аромат летнего полевого разнотравья.

– Ну те-с, сударь мой, – совсем рядом раздался негромкий, очень певучий голос. – Как говорит в своих «нетленках» великий и ужасный Саня Бушков: – «Открывайте глаза, голуба моя, ресницы-то – дрожат!».

Ник послушался и приоткрыл правый глаз, а через секунду и левый, ошалело таращась на говорящего. И было, право, чему удивляться – в двух шагах от него, на перевернутом старом деревянном ящике, восседал здоровенный, серый в полосочку котяра.

– Здравствуйте, милый юноша! – пропел-промурлыкал странный кот. – Разрешите представиться. Меня зовут – Кот.

– А меня – Ник, – автоматически ответил Ник, затравленно озираясь по сторонам. – Николай, Николаша, Коля...

– Да, вы встаньте на ноги, любезный мой, освободитесь от рюкзака с парашютом, – подал Кот дельный совет. – Оглянитесь хорошенько, удовлетворите своё безмерное и праведное любопытство.

Ник, опираясь ладонью правой руки на какую-то узкую кирпичную стенку, поднялся на ноги и сбросил с плеч тяжёлый рюкзак.

«Так и есть, парашют, всё же, не раскрылся... А я жив почему-то!» – пронеслось в голове.

Он внимательно оглянулся по сторонам, вокруг были только крыши: металлические и черепичные, гладкие и ребристые, явно новые и совсем ветхие – самых разнообразных цветов, оттенков и колеров. Сплошные такие крыши, тесно примыкающие друг к другу, без начала и конца... А узкая кирпичная стенка оказалось гранью обыкновенной дымоходной трубы – одной из многих тысяч таких же, беспорядочно торчащих тут и там.

Молодой человек с беспокойством посмотрел на небо. Увиденное оптимизма не добавило. На западе горел тревожный малиново-оранжевый закат, и половинка солнца уже скрылась за линией горизонта, а на востоке теплился нежный розово-алый рассвет, и другая солнечная половинка – явно, только что – показалась на свет Божий. Разномастные облака, дружно выстроившись по неровным кривым овалам, медленно плыли в противоположных направлениях. Причём, похоже, вокруг того самого места, где они с Котом и находились.

Ник недоверчиво потрогал ладонями лицо, плечи, колени. На всякий случай – от души – ушипнул себя за ляжку. Нет, сном даже и не пахло. Всё было нормально, и боль очень даже ощущалась.

Короче говоря, вокруг была только реальная действительность, данная нам в объективных и субъективных ощущениях – как любил выражаться Фридрих Энгельс, известный интеллектual и оригинал.

«Но, всё же, чёрт побери, что это такое приключилось со мной? И где, собственно говоря, я нахожусь в данный конкретный момент?», – подумал Ник и резко обернулся к неожиданному напарнику.

Кот, как выяснилось, всё понимал правильно и заговорил, не дожидаясь глупых и бес-толковых вопросов:

– Это место так и называется – Зброшенные Крыши. По своей глубинной сути – обычная перевалочная станция: дальше можно проследовать в любых, порой самых невероятных направлениях. Даже... – Кот сделал многозначительную театральную паузу. – Даже и Назад.

– Следовательно, я – умер?

– Да, ладно вам, сударь! – Кот недовольно и чуть презрительно улыбнулся в роскошные усы. – Полноте, милый друг. Что есть, с философской точки зрения, все эти глупые сентенции? Живой – мёртвый? Счастливый – несчастный? Весёлый – печальный? Настоящий – придуманный? Что, я вас спрашиваю? Так, только глупые термины, наполненные бессовестной и наглой ложью... Всё относительно в этом брэнном и неверном Мире. Относительно – ко Времени, прежде всего. Сегодня вы глупы, туповаты и ограничены – конкретную дурацкую аксиому принимаете за непреложную истину в последней инстанции. А завтра поумнели немного и – неожиданно для самого себя – поняли, что истин может быть несколько. Или же, вовсе, ни одной, к примеру...

– Отдаю должное вашему недюжинному и могучему интеллекту, уважаемый Кот, – произнёс Ник, в глубине души несказанно удивляясь собственному хладнокровию. – Но изложенное вами мне мало что объясняет. По всем классическим законам школьной физики я должен был расшибиться в лепёшку: падение с двух с половиной тысяч метров, причём, с нераскрывшимся парашютом – дело очень серьёзное, знаете ли... А я тут стою себе на крыше, с котами разговариваю. Может, это просто такой элементарный предсмертный бред? А?

Кот недоверчиво помотал ушастой головой и, задумчиво прищурившись, прошелестел едва слышно:

– А вы, милостивый государь, поведайте мне о ваших последних десяти-двенадцати минутах. О тех, которые имели место быть до вашего появления на Зброшенных Крышах. И, главное, о последних мгновениях... Тогда, быть может, я и смогу подсказать вам что-нибудь дельное. Может, даже спрогнозировать чего на Будущее....

Мокрая, тщательно подстриженная трава аэродрома, принадлежавшего частному Авиа-клубу. Самолёт неуклюже оторвался от взлётной полосы и неровными толчками начал набирать высоту. В этот момент у Ника настойчиво и громко зазвонил мобильник.

Инструктор Петрович скорчил недовольную и грозную мину, но, всё же, разрешающе махнул рукой. Мол, давай, поговори, бродяга, я сегодня необычайно добрый...

– Да? – спросил Ник, нажимая на нужную кнопку.

– Здесь Заур, – оповестила трубка с лёгким кавказским акцентом. – Твоя обожаемая жёнушка у нас... Вах, какая красивая девочка! Просто – спелый персик... Три дня, дебитор, у тебя на всё. Хочешь получить свою женщину обратно? Причём, в целости и сохранности? Рассчитайся полностью с долгом, будь мужчиной! Ещё сороковник баксов числится за тобой... Всё, надеюсь, ясно?

– Всё, – прошептал Ник.

Короткие гудки, отбой...

«Похоже, действительно, всё», – решил он про себя. – «Где взять сорок тысяч долларов? Негде, сожрал всё проклятый дефолт. Слопал и не подавился...».

Ещё месяц назад Ник был богатым и вполне успешным человеком. Типичным, то бишь, среднестатистическим представителем хвалёного среднего класса... А, нынче? Нынче он – полный и безысходный банкрот. Даже пришлось отписать в пользу неуступчивых кредиторов и

пригородный коттедж, и две почти новые машины-иномарки. А долгов ещё оставалось – выше крыши местного небоскрёба, проценты по ним набегали ежедневно, без перерывов на обед и выходных...

Денег не было совсем. Как у вчерашнего правящего класса – после свершения успешной революции... Хотел Ник сдать обратно годовой абонемент на прыжки с парашютом, чтобы получить на руки хоть немного наличности, да не согласились с этим в Авиаклубе. Мол: – «Денег у самих нет, а прыгать хочешь – так это совсем другое дело. Пожалуйста, просим! Пока керосин в самолётных баках не закончился...». Вот, он и решил прыгнуть, раз – всё равно – уже приехал.

Любил Ник это дело, в смысле, прыжки с парашютом. Бездонное голубое небо над головой, домики крошечные проплывают внизу, свежий ветерок ласкает лицо, воздух – как после июльского дождя в дальней деревне: пахнет чем-то чистым и влажным, совсем чуть-чуть угадывается аромат полевого летнего разнотравья...

– Всем приготовиться! – строго велел Петрович. – Начинаю обратный отсчёт. Тридцать, двадцать девять, двадцать восемь..., два, один, ноль! Первый – пошёл!

Голубой купол неба, восхитительное чувство свободного падения...

Тут – в считанные секунды – Ник и понял, что надо делать. Года полтора назад, когда денег было навалом, он застраховал свою жизнь в солидной зарубежной компании, причём, со страховой премией родственникам – в случае чего – более чем солидной... Хватит, чтобы полностью рассчитаться с Зауром, и Машеньке ещё останется на безбедную и сытую жизнь. Нормально всё должно сойти. Какое такое самоубийство? Обычный и банальный несчастный случай – просто парашют не раскрылся. Дело насквозь житейское.

Ладонь медленно разжалась, отпуская заветное кольцо...

– Вот, и всё, – промолвил Ник. – Кольцо отпустил и – такое впечатление, что сразу же – оказался на этой крыше.

– На Крышах, – педантично поправил Кот. – И, пожалуйста, с большой буквы... А история ваша совершенно обычна для наших мест – банальное самоубийство, но преследующее цели, безусловно, благородные. Знакомое, в общем-то, дело. Да, уж! – Кот замолчал, словно бы вспоминая что-то по-настоящему важное.

Подождав секунд тридцать-сорок, Ник громко покашлял, привлекая к себе внимание:

– Кхы-кхы! Извините, любезный Кот, но, всё же, объясните более внятно. Если вас, конечно, не затруднит...

– Всё дело в том, что кто-то из Главных Верхних, причём, совершенно не обязательно, что и Сам, а просто кто-то из Них, засомневался в правильности вашего благородного поступка. Почему, спрашиваете, засомневался? Да, кто же их, Умников, разберёт? Наверно, на то были важные и весьма значимые причины. Вот, Они и решили сделать некую паузу – в вашей Судьбе. Заморозили ситуацию, так сказать...

– Но, для чего заморозили? Зачем?

– Бог его знает, – подчёркнуто лениво зевнул Кот. – Они же считают себя добрыми, могучими, справедливыми, ну, и так далее, по списку... От этого, видимо, постоянно и сомневаются, мол: – «Так ли всё происходит в нашем многогрешном Мире? Не надо ли, случаем, переделать чего?»... Может, мудрёный фортель с нераскрывшимся парашютом был насквозь глупым и напрасным? Вы, Николай, железобетонно уверены, что ваша драгоценная супруга, действительно, является несчастной пленницей? Может, она – на самом деле – сообщница коварного и подлого Заура? Только не надо, ради Бога, смотреть так гневно и рассержено! Если я ляпнул глупость, то извините покорно. Котам, ведь, простительно... Скажу вам, шевалье, по большому секрету: очень часто жертвы, рождённые избыточным благородством, оказываются – в конечном итоге – неоправданными и бесполезными. И примеров тому – не счесть.

Обмануть честного человека – легче лёгкого. . . . Безоглядное благородство, как говаривал один мой знакомый колумбийский философ, есть верх глупости человеческой. По крайней мере, так частенько бывает на практике. . . . Итак, теперь Они думать будут, а вы, мон шер, парьтесь на Заброшенных Крышах – хоть до заговенья морковкиного. Я, вот, к примеру, уже лет триста пятьдесят (а то и все четыреста), здесь – с одним единственным перерывом – прохлаждаюсь, а Умники всё думают, всё обсуждают, мол: – «Что делать с этим наглым животным?». А, может, и забыли совсем про меня? Правильно, я же просто – кот, а тут и всяких разных хватает, заслуженных и важных до хронической тошноты. Наполеоны в ассортименте, Байроны, Есенины, блин! – Кот разошёлся уже не на шутку.

Помолчали.

Ник задумчиво и рассеянно чесал в затылке, пытаясь – хоть как-то – переварить полученную информацию. Кот же рассержено и презрительно фыркал, разбрасывая вокруг себя яркие изумрудно-зелёные искры, злясь на неких Всесильных, ленивых и забывчивых – по его частному мнению. . . .

– Может, и свою историю расскажете? – вежливо попросил Ник. – Ну, если это удобно, конечно.

Кот легкомысленно передёрнул «плечами»:

– Да, полноте! Какие ещё сантименты между товарищами по каторге? Здесь, если честно, больше и заняться-то толком нечем. Слоняешься, слушаешь, в свою очередь рассказываешь всякое, делишься впечатлениями, даёшь советы, утешаешь, сплетничаешь. Библиотеку, правда, лет так сто двадцать назад удалось «пробить» на заброшенном чердаке. Полезное дело, не даёт заскучать окончательно. Сходим как-нибудь, обязательно. А история моя проста и незамысловата. . . .

Много лет тому назад (вы, люди, это Время называете Средними Веками), проживал я в одном симпатичном замке. В качестве любимого котёнка графской дочери, понятное дело. Её звали – Мари. Славная такая девчушка: добрая, ласковая, улыбчивая, кудряшки светлые. Она меня любила, ну, и я, соответственно, души в ней не чаял. Хорошо жили, беззаботно так, радостно. . . .

Потом началась жестокая война, враги окружили графский замок, образовалась полная блокада, наступил голод. Нам-то, котам, много ли надо? Тут жирную мышку поймал, там, извините за неаппетитные подробности, десяток-другой мух слопал. А людям приходилось совсем плохо, умирали они – один за другим – десятками, сотнями. Тогда-то мне и пришлось спрятаться в глубоком подвале замка – от греха подальше, чтобы не съели в запарке. . . .

Сижу это я у себя тихонечко, никого не трогаю, умываюсь. Тут графская жена, шатаясь от слабости, спускается по ступеням каменной лестницы. Матушка моей Мари, то есть.

– Маркиз! Маркиз! (это моё тогдашнее имя), – зовёт ласково.

А в ладони правой руки, заведённой за спину, сжимает рукоятку острого стилета.

«Вот, оно даже как», – думаю, продолжая умываться. – «Нашли дурака. Как же, выйду. . . . Фигу с конопляным маслом вам всем. Неблагодарные и двуличные твари. . . .».

Заплакала тогда графиня.

– Что же делать? – жалобно так причитает. – Умрёт теперь доченька моя от голода. Совсем плоха стала, слабенькая, шатается на ветру. Только одна надежда и оставалась – котёнка отыскать. . . . Маркиз, Маркиз! Иди ко мне! Ради любви к нашей Мари! Маркиз!

Кот, смахнув лапой с морды неожиданную крохотную слезинку, печально замолчал.

– Ну, а дальше? – заинтересованно спросил Ник.

– Что – «ну»? – неожиданно обиделся Кот. – Баранки ярмарочные усердно гну! Вышел, конечно же, пень ясный. . . .

– Стало быть, – предположил Ник, – вас сожрать изволили?

Кот неопределённо пошевелил усами:

– А, вот, это – спорный вопрос... Весьма и весьма спорный! Я, ведь, сразу на эти Крыши долбаные и вышел. Как бы так оно получилось...

– Чего-то я не понимаю совсем. Но самоубийства, по сути, не было. За что же вас тогда поместили сюда?

– Причём здесь – самоубийство? – Кот опять пожал «плечами», на сей раз недоумённо. – На Крыши попадают те... э-э-э, личности и индивидуумы, с которыми непонятно, что делать дальше. В смысле, куда этих индивидуумов и личностей отправлять – в Ад или в Рай? Усекаете? Вот, я, к примеру, с одной стороны, обыкновенный кот. Следовательно, вовсе ничего не достоин. Ну, совершенно ничего и даже чуть меньше... А, с другой стороны, благородство проявил. Следовательно, и Душа – какая-никакая – но имеется у меня. Что теперь делать с этой бессмертной Душой, объявившейся внезапно? А? Не подскажите часом? Вот, и гадают местные Умники неустанно, спорят до хрипоты...

Они вновь помолчали.

– Ещё один важный момент, – вспомнил Ник. – Вы говорили, что перерыв единственный – в процессе «крышной» жизни – был какой-то?

– Ах, это! – Кот небрежно, скорчив презрительную гримасу, отмахнулся правой передней лапой. – Фигня полная и глупая! Года через три с половиной после моего здесь появления, спускается с Неба один тутошний Халдей. Важный такой, с белоснежными разлапистыми крыльями за спиной. Поздоровался, значит, и втуляет мне, мол: – «Жертва твоя, дружок, была совсем напрасная. Потому как Мари, всё равно – через год с крошечным хвостиком – умерла от бубонной чумы. Поэтому мы с коллегами тут посоветовались и решили, что тебя надо отправить Обратно. То бишь, в средневековый замок, находящийся в блокаде. Дабы ты сделал выбор заново, уже обладая полной и однозначной информацией...».

Кот опять задумался.

– Ну, и что же, вернули? – подождав полторы минуты, напомнил о своём существовании Ник.

– Не нукай, не запряг! – в очередной раз продемонстрировал непростой и крутой нрав Кот. – Конечно же, вернули. Они здесь – надо отдать должное – никогда не шутят. Вернули... А я опять к матушке Мари решил выйти. Под острый стилет, то есть... Потому, что очень любил свою маленькую хозяйку. Подарить ей целый год жизни – совсем и немало. Я даже задумываться не стал. Взял – и вышел. На эти же Крыши занюханые...

– Это вы – молоток! – Ник посмотрел на Кота с ненаигранным восхищением. – Прямотаки сказка настоящая получилась – про любовь и истинное благородство.

– Сказка? – негромко раздалось откуда-то сверху. – А, что? И, правда, сказка. Тут одни такие сплошные сказки... Сказки Зброшенных Крыш...

Сказка вторая

Страшная участь адвокатов

– Сказка? – негромко раздалось откуда-то сверху. – А, что? И, правда, сказка. Тут одни такие сплошные сказки.... Сказки Зброшенных Крыш...

Испуганная стайка белых голубей неожиданно выпорхнула из-за неуклюжей старинной трубы, сработанной из светло-жёлтого ребристого кирпича. Разбившись на пары, птицы стремительно разлетелись в разные стороны.

– Что это было? – спросил Ник.

– Если вы про хриплый голос, то это просто местный Дневальный себя проявил, – сладко позёывая, ответил Кот. – Тут постоянно кто-нибудь наблюдает, надзирает, слушает, любопытствует.... А если про птичек этих гадких и наглых, то это шпионы тутошные, они же – сплетники и сплетницы. Мало того, что подслушают, так ещё потом разлетятся по Крышам, всем всё расскажут, перескажут, переиначат, добавят от себя – что было и чего не было никогда.... Прямо не голуби благородные, а так, говорящие попугаи из субтропических джунглей. Срамота одна! Ни одних секретных переговоров не провести, право.... Поначалу, я даже ловить их пробовал. Кот я или не кот, в конце-то концов? Бесплезно всё: подкрадёшься, прыгнешь, бэмц – носом об стенку невидимую. Больно-то как! Силовые поля, какие, защитные, что ли? Да и Бог с ними, с тварями крылатыми.... Послушайте, Ник, а что это мы друг другу всё «выкаем», словно гимназисточки добропорядочные и благовоспитанные? Были тут – проездом – несколько штук. До чего же нудные и манерные создания, доложу я вам. Умом можно тронуться.... Может, на «ты» перейдём?

Ник согласно закивал головой:

– Конечно, перейдём. Только, вот, по такому знаковому поводу-случаю выпить полагаются: за знакомство, за встречу, «на брудершафт» – так сказать.... Как тут с разными бытовыми мелочами? В смысле, выпить, закусить? С прочими ежедневными потребностями?

– С этим, как раз, всё просто, – Кот ловко спрыгнул с деревянного ящика и упруго выгнул спину. – Живые организмы, обитающие на Зброшенных Крышах, в еде и жидкости не нуждаются. Следовательно, и в туалетах необходимости нет, что весьма удобно, согласитесь. Да и спать совсем необязательно.... Но, если имеется веский повод – устроить маленький дружеский пикничок, то можно у Верхних попросить об одолжении невеликом. Бывает, что идут навстречу, случались уже соответствующие прецеденты.... Кстати, и язык на Крышах всеобщий. То бишь, каждый говорит на своём, но все друг друга прекрасно понимают. Тоже, на мой вкус, весьма недурное нововведение....

Кот встал на задние лапы, передними упершись всё в тот же деревянный ящик, задрал голову вверх и прокричал – звонко и пронзительно:

– Эй, многоуважаемый и наимуудрейший Дежурный Ангел! Приём-приём? Не будете ли столь любезны – предоставить нам с другом какую-никакую достойную выпивку-закуску? На ваше усмотрение, понятное дело.... Что за повод к посиделкам? А у нас праздник образовался сегодня, или что-то вроде того. Познакомились, на «ты», опять же, перейти собираемся. А? Ежели что, я и отслужить могу! Приём-приём?

Секунд десять-двенадцать тишины. Только негромко и нудно шелестел мелкий бытовой мусор, перекатываемый хулиганистым ветерком по Зброшенным Крышам.

Затем раздался тоненький хрустальный звон, и прямо из воздуха появился (возник, нарисовался, проявился?), Ангел – дюжий и широкоплечий мужичок с обветренным бородастым лицом, в белоснежных одеяниях, с небольшими аккуратными крыльями за спиной. В ладони

одной руки бородач сжимал обыкновенный светло-коричневый бумажный конверт, а в ладони другой – ручку большой плетёной корзины, из которой гордо высовывались горлышки трёх высоких бутылок светло-зелёного стекла.

– Здравствуй, Кот! – вальяжно и покровительственно пророкотал Дежурный Ангел. – И тебе Ник, раб Божий, здравствовать! Насколько это, конечно, применительно к реалиям наших Заброшенных Крыш...

– Здрасте, – скромно промямлил Ник, ошеломлённый этим внезапным появлением.

Кот же отделался только лёгким и небрежным наклоном головы, словно бы демонстрируя повышенное самоуважение к собственной непростой персоне.

Крылатый обладатель шикарной бороды поставил корзинку у ног Ника и, протянув конверт Коту, объявил:

– Всё просимое вами – доставлено! Ты, Кот, если не ошибаюсь, отслужить обещался? Вот, и отслужи. То бишь, передай это послание небезызвестной тебе Анхелине Томпсон, лично в руки. Да, не мешкая! Часа через три с половиной, не позже. Иначе, некоторые Упрямыцы опять бучу успеют поднять... Всех благ, благородные эсквайры!¹ – Ангел демонстративно посмотрел на массивные наручные часы, отдал Коту конверт и медленно – секунд за восемь-девять – растаял в воздухе.

– Хитрые какие! – презрительно прошипел Кот, недовольно вертя конверт в лапах. – Сами, видите ли, не могут. Тоже мне, неженки отыскались! Через три с половиной часа? Ну, конечно, у них же и часики имеются. А, как бедному коту время определять? Тоже мне – Умники....

Ник, всё ещё пребывая в прострации от произошедшего, машинально заглянул в корзину. Её содержимое бодрости духа не прибавило: клетчатая бумажная одноразовая скатерть, цветные салфетки, стопка пластиковых стаканчиков, буханка загодя нарезанного чёрного хлеба, три плавленых сырка «Дружба», двухлитровая банка с маринованными огурцами, закрытая полиэтиленовой крышкой, десяток жаренных куриных бёдер в прозрачном пластиковом контейнере и три бутылки «Агдама»² – да, того самого, из славных восьмидесятых-девяностых.

– Однако, блин горелый, – ошарашено пробормотал Ник себе под нос, бестолково расставляя на бумажной скатерти нехитрое угощение. – Сюрреализм какой-то, честное слово...

– Что-то не так? – забеспокоился Кот. – Вообще-то, Они стараются всё по вкусу вновь прибывшего поставлять, своё доброе отношение, так сказать, демонстрируя. Что, на этот раз – обмишурились немного?

– Как тебе сказать, – неуверенно протянул Ник, ловко открывая одну за другой бутылки с портвейном. – Лет восемь-десять назад всё это, безусловно, считалось изысканными деликатесами, а нынче – как бы и нет... Да, ладно, дарёному коню в зубы не смотрят, чего уж там. Опять же, бурную молодость можно будет вспомнить... Прошу вас, мой любезный друг, угощайтесь, чем Бог послал!

Кот взял в одну лапу пластиковый стаканчик, наполненный тёмно-коричневой подозрительной жидкостью, в другую – жареную куриную лапу, и важно известил:

– Тогда-то всё понятно. Что для Них – восемь-десять лет? Так, миг один. Краткий и совсем ничего незначущий. Отстали чуть-чуть наши Умники от вкусов современного народонаселения. Ничего страшного и смертельного, бывает... Давай, браток, за крепкую мужскую дружбу!

---

¹ – Эсквайр – в современном английском языке – синоним слова «джентльмен».

² – «Агдам» – сорт дешёвого портвейна российского производства.

Ник, выпив и борясь с прогнозируемо-пришедшей тошнотой, торопливо запихал в рот кусок сырка «Дружба». Кот же, слегка передёрнувшись, жадно впился острыми белоснежными зубами в куриное бедро, истекающее янтарными каплями жира.

– Вино – дрянь полная и страшная, – со знанием дела констатировал Кот. – А птичка жареная хороша. Что это такое? Куропатка, фазан, рябчик?

Ник, достав из банки огурец, аппетитно захрустел и с небольшой задержкой ответил:

– Это называется – «ножки Буша».

– Да? – аккуратно сложив на краю скатерти тщательно обглоданные косточки, Кот взял в лапы очередное бедро курицы. – Первый раз слышу, но отменно вкусно. Славные птицы – эти «буши»! Вот, ещё... Теперь, раз мы друзья, можешь меня называть настоящим именем – «Маркизом».

– Спасибо за оказанное доверие, – весело поблагодарил Ник. – У меня тоже много имён – Ник, Николай, Николаша, Коля, Колька... Любое выбирай, какое приглянётся.

Вскоре бутылка опустела, и приятели решили сделать маленький перерыв. Ник, достав из кармана куртки зажигалку и мятую пачку сигарет, закурил. Кот, после пятисекундных колебаний, от предложенной сигареты вежливо отказался.

– Хорошо-то как – вот, так посидеть, выпить! – задумчиво пуская вверх табачные кольца, расслабленно произнёс Ник. – Скажи-ка мне, друг Маркиз... Чу, а это ещё что такое?

Откуда-то донеслись странные звуки: громкое шарканье – вперемешку с размеренными и неторопливыми ударами молотка по шляпке забиваемого гвоздя.

Порядком захмелевший Кот важно покачал в воздухе пушистым толстым хвостом и, назидательно ткнув «указательным когтем» правой лапы в Небеса, объявил:

– О, это очень неординарная и нетипичная история! Тебе, Николаша, будет интересно. Подожди, они уже близко, сейчас познакомлю.

Через минуту-другую из-за ближайшего скопления разномастных печных труб показалась странная парочка: высокий и худой, стройный – как пламя свечи – старик в древних стальных доспехах бережно вёл под ручку худенькую, низенькую и сморщенную старушку, одетую в пышное платье – фасона века эдак шестнадцатого-семнадцатого. Невольно создавалось впечатление, что эти пожилые люди только что сошли со страниц классического рыцарского романа.

Длинные, седые, старательно зачёсанные назад волосы мужчины очень эстетично развевались на ветру, тяжёлый и длинный меч – в кожаных ножнах с металлическими нашлёпками – равномерно постукивал по разномастной кровле Зброшенных Крыш. Хрупкая старушка неуклюже семенила рядом – на три шажка бабули приходился один шаг её рослого спутника...

«Действительно, очень необычная парочка», – произвольно отметил про себя Ник. – «Визуально, оба немощны и стары, но угадывается в них – с первого взгляда – некая скрытая и очень серьёзная сила, спрятанная где-то там, внутри...».

Кот, до того времени небрежно и барственно развалившийся на краю бумажной скатерти, мгновенно вскочил на задние лапы и, громко шаркнув острыми когтями по старой кровельной жести, уважительным баритоном произнёс:

– Позвольте вас представить друг другу, господа и дамы! Благородный рыцарь Айвенго, прекрасная леди Ровена, мистер Ник, эсквайр, он же – Николай Сергеевич Нестеров.

Ник, торопливо запихав потухший окурок в пустую бутылку из-под «Агдама», отвесил новым знакомым низкий изысканный поклон – как в тех голливудских фильмах про Рыцарские Времена, которые он смотрел когда-то, в бесконечно-далёком отрочестве. Словно бы не заметив этого жеста средневекового этикета, старик подошёл к Нику вплотную и поздоровался с ним за руку: то ещё получилось рукопожатие – крепкое, искреннее, настоящее.

– Оставьте эти официальные штучки, милый юноша, – негромко прошептала леди Ровена и ласково провела морщинистой ладошкой по щеке Ника. – Мы с мужем уже знаем

историю вашего появления на Заброшенных Крышах. Более того, искренне гордимся нашему знакомству. Мы рады, что истинное благородство живёт и поныне.

– Да, мы очень рады, – скупно улыбнувшись, подтвердил Айвенго. – Голуби уже обо всём доложили. Причём, в подробностях.... Хотите, мистер Ник, я прямо сейчас посвящу вас в рыцари? Если, конечно, некие – Там-Наверху – будут не против, – старик посмотрел на серые облака с явным неодобрением, словно бы ожидая подвоха. Или, наоборот, разрешения?

Небеса равнодушно промолчали в ответ.

– Уже неплохо, – криво усмехнулся Айвенго. – Сразу не отказали. Может, позже и разрешить изволят...

– Прошу садиться, высокородные дамы и господа! Прошу! Мы бесконечно рады вашему визиту! Николай, налей же нашим дорогим гостям праздничного вина! – Кот вытащил – невесть откуда – два раскладных стульчика и смешно засуетился, усаживая на них стариков.

Честно говоря, эта идея показалась Нику, отнюдь, не блестящей. Предлагать благородным рыцарям и их легендарным жёнам российский «Агдам», изготовленный из подгнивших осенних яблок? Как-то, право, неудобно, мягко выражаясь...

– Что же! – высоко поднимая пластиковый стаканчик, торжественно провозгласил Айвенго. – За честь, доблесть и благородство! И за тех, для кого эти понятия и термины – не просто красивые и цветастые слова... Виват! Виват! Виват!

– Очень даже интересные и необычные нотки ощущаются в этом замечательном вине, – вежливо проворковала леди Ровена, только чуть-чуть пригубившая предложенный напиток.

Рыцарь Айвенго, напротив, осушив свой стаканчик единым махом, тут же побагровел, глухо крикнул, но отозвался об «Агдаме» весьма лестно:

– Узнаю, как же. Настоящий португальский портвейн! Доводилось – в своё время – пробовать. И в кабачках Лиссабона, и на благословенном острове Мадейра. А выдержка у напитка вполне достойная, чувствуется, что он несколько лет хранился в дубовом бочонке.

Светский разговор о завтрашней погоде и особенностях английской поэзии, о различных исторических коллизиях и творениях великого Шекспира, в перерывах – благородный «Агдам»...

– Извините меня, доблестный Айвенго, и вы, прекрасная леди Ровена, – не выдержал, наконец, Ник. – Но, позвольте, всё же, поинтересоваться. Как вы оказались на Заброшенных Крышах? С вашей-то безупречной репутацией, подтверждённой многочисленными романами, другими художественными произведениями и устными легендами? Как такое, вообще, могло произойти? Может, во всём виноваты злобные наветы? Происки коварных и беспринципных завистников?

– Да, нет, всё по правде, – грустно вздохнул старик. – Всё по правде.... Помните, благородный Ник, у знаменитого Робина Гуда был такой закадычный приятель – отец Тук? Да, тот самый.... Грешил по мелочам, иногда выпивал лишнего. Ерунда, в общем и целом.... А потом, вскоре после нашей с леди Ровеной свадьбы, отправился я с некими достойными мужами в серьёзное плаванье по загадочным Южным морям. Через пару-тройку лет вернулся обратно, в старую добрую Англию, и написал несколько баллад, романсов и пару сонетов – о том славном путешествии. Так, совершенно ничего особенного и оригинального. К примеру, послушайте эту скромную балладу, которая так и называется – «Баллада Странствий».

Айвенго принял с чувством декламировать:

Эхо – былых времён.
Зов – тех далёких стран.
Вновь – ветер перемен.
Бьёт – в наши паруса.
Тени – прожитых лет.

Нам не дают – уснуть.
Отблески – прошлых побед.
Наш – озаряют путь.
Чаек – тоскливый крик.
Вслед – летит за кормой.
Жизнь – это только миг.
Нам не надо – другой.
Клипер – поднял паруса.
Все – словно бы – навсегда.
И – Голубая звезда.
Снова – слепит глаза.
Сотни – ужасных бурь.
Где-то в засаде – сидят.
Нынче у нас – июнь.
Плаванье – до декабря.
Месяц – и белый песок.
Тёплый и нежный – такой.
Кошкой – лежит у ног.
Ластиться – под рукой.
В том кабачке – огни.
И гитары – поют.
Тропики – рай для любви.
Может – останусь я тут?
Вдруг – позабуду тебя?
Завтра – встав поутру?
Златом – пошло звеня.
Я гарем – заведу?
В трюм его – помещу.
Вновь – поднять паруса!
Отчего же – грущу?
Отчего же – слеза?
И – миллиарды звёзд.
Нежно так светят – вдали.
Слушай – не надо слёз.
Просто – меня позови.
Ты позови – всерьёз.
Через – шторма и года.
Что мне – те полчища звёзд?
Ты у меня – одна.
Сон, вдруг, снится ещё.
Первый снег – на полях.
По полю мы – вдвоём.
Дружно шагаем. Зря.
Снился – под утро – тот сон.
Яркая – в небе заря.
Чистый – совсем горизонт.
Может – всё это – зря?
Значит – всё решено.
Вся команда – наверх!

Рулевой – путь домой!
Даст Бог – всем!

Снова – знакомый причал.
Кто там – стоит на краю
Пирса? Не уж-то – Она?
Та – что так нежно – люблю...

– А мне, вот, этот романс нравится очень-очень, – нетерпеливо вмешалась леди Ровена. –
Слушайте, благородный Ник!

Старушка запела приятным и чистым фальцетом, правда, почти не попадая в ноты:

И, вот, когда приходит ночь,
То замолкают птицы в клетках.
И дождик – на осенних ветках —
Играет нам ноктюрн – о днях былых.
О тех, что вдаль умчались без возврата,
Оставив нам из листьев – горы злата,
И думы о делах Времён иных.
И думы о делах Времён – иных...

Как мелко мы живём, помилуй Бог!
Всё деньги и камни считаем,
И главного – совсем не понимаем,
Плачевный жизни подводя итог.
Как мелко мы живём – помилуй Бог!

А где-то там, в немыслимой дали,
Плывут себе – Нежданному на встречу,
Призрев, вот, этот скучный пыльный вечер,
По голубым волнам – красавцы-корабли.
Вот, где-то там – в немыслимой – дали...

И девушки – скромны и грациозны,
На берегу – ждут капитанов тех.
И молятся – за их Большой успех
В делах – по-настоящему – серьёзных.
Те девушки – скромны и грациозны...

Победных труб – знакомые мотивы,
Конечно, очень скоро зазвучат,
А циники – покорно замолчат,
Когда домой вернуться пилигримы,
Под музыки – победные мотивы...

И, вот, теперь, когда приходит ночь,
Я выпускаю своих птиц из клеток.
И их несёт отсель – порывом ветра,
От скуки и печали этой – прочь.

Их ждёт таинственная ночь!

Их ждёт – таинственная – ночь...

– Как вам, понравилось? – практически хором спросили старики, неуверенно и тревожно поглядывая на слушателей.

Ник, стараясь быть максимально вежливым, улыбнулся:

– Конечно же, понравилось! Очень и очень романтично! Такие стихи, баллады, романсы и сонеты – непременно – должны воспитывать в юношах любовь к приключениям, вдохновлять их на бескорыстные подвиги и благородные поступки. Лично я – в очередной раз – несказанно рад нашему знакомству...

– А, вот, там, Наверху, решили совсем по-другому, – ворчливо напомнил о своём существовании Маркиз. – Доблестный Айвенго всё сочинённое скрупулёзно записал на листах пергамента, да и отдал их отцу Туку, дабы означенный образованный монах, прочитав, потом дал непредвзятую оценку этим опусам... Но отец Тук, как это и свойственно многим лицемерным служителям Церкви, оказался самой натуральной свиньёй. В том плане, что жирным и абсолютно бесстыжим боровом..., – от навалившегося праведного возмущения Кот даже потерял дар речи и, изредка пофыркивая, потерянно замолчал.

– Бедняга Тук просто всё понял не совсем правильно, – миролюбиво произнёс Айвенго. – Он всегда был натурой слегка увлекающейся, любил пофантазировать избыточно... Короче говоря, начитался отец Тук моих стишков, да и отправился – с ближайшей оказией – в дальние южные страны. А потом, неожиданно для всех, стал кровожадным и жестоким пиратом. Много за ним числилось всяческих гадких непотребств, и не сосчитать. Такой кровавый след тянулся – не описать никакими словами. Конечно же, через некоторое время его поймали, судили, да, как и полагается, отрубили буйну голову... А потом – по дороге в Ад – доставили на Высший Суд, где отец Тук продемонстрировал те злосчастные пергаментные листы. И пояснил при этом, мол: – «Рыцарь Айвенго виноват во всём! С этих его стишков она и началась – тяга к дальним морским путешествиям. А, в конечном итоге, и к пиратству бесшабашному...».

– Мы с Айвенго, – подхватила леди Ровена, – умерли через много-много лет после казни кровавого отца Тука. В один день, как и полагается. Правда, Айвенго, – старушка недовольно нахмурилась, – опередил меня на несколько часов, негодник такой... Естественно, мы были уверены, что попадём напрямиком в Небесный Рай. Как же иначе, когда позади – столько лет безупречной жизни? Размечтались, наивные... Оказались, как легко догадаться, на Заброшенных Крышах. На одной чаше весов – долгая безгрешная жизнь, полная благородных и богоугодных поступков. А на другой – служитель Святой Церкви, ставший, якобы из-за моего мужа, жестоким и подлым пиратом... Ну, а я, как верная и любящая жена, была просто обязана разделить участь Айвенго. Муж и жена, они – сами знаете, «кто» – одна... Вот, так неожиданно всё обернулось. Уже многие века мы безвылазно находимся на Крышах, ожидая окончательного решения местных Умников...

– Позвольте, как же так? – Ник уже стал немного разбираться в здешней логике. – Но, ведь, вам обязаны были предложить – вернуться Назад. То есть, дать реальную возможность – исправить ситуацию. Разве нет? – он вопросительно посмотрел на Кота.

Маркиз, позабыв о тонкостях этикета, отхлебнул «Агдама» прямо из горлышка бутылки, занюхал собственной лапой и охотно пояснил:

– Так всё и должно было произойти. Переносится Душа доблестного рыцаря обратно, в тот самый момент, когда ставится последняя точка на последнем листе злосчастного пергамента, встаёт Айвенго из-за стола и, не раздумывая ни секунды, бросает означенные документы в жаркое пламя камина... Всё на этом! Ура! Разрешено досадное недоразумение! Добро пожаловать – в Рай! Но, не тут-то было... Приснопамятные пергаментные листы фигурировал на Высшем Суде. Следовательно, являются наиважнейшей уликой, и подлежит хранению в

Архивах – до Скончания Света. А отправлять храброго рыцаря Айвенго и нежную леди Ровену в Прошлое без этого пергамента – однозначно бесполезно и глупо. Ведь, при этом, ничего не изменится. Совсем ничего! Шарада такая, бессмысленная и неразрешимая... Правда, лет двести с небольшим тому назад один опытный судейский стряпчий залетал – по пошлomu недоразумению – на наши Крыши. Так, вот. Стряпчий говорил, что эту проблему можно решить без особого труда – необходимо с пергаментных листов снять копии, заверить их у Главного, ещё так у кого-то, дело и сладится. То бишь, копии останутся в Архиве, а подлинник отдадут доблестному Айвенго...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.